

А Чоу сидел неподвижно. Он только что помог музыкальному магазину очистить стоки и уборную и получил несколько медных монет. Он просто надеялся позже купить что-нибудь поесть, и был совершенно не заинтересован в милости хозяина борделя.

— Даже А Чоу брезгует твоей грязной персоной! — вновь заулюлюкали зрители.

Владелец борделя заскучал и посмотрел на двух охранников.

— Ты там что, умер? — один из охранников сразу понял и поднял ногу, чтобы пнуть падшего на земле.

Грешника пнули ногой и тот дважды кашлянул. Он попытался подняться со снега, но видимо совсем не осталось сил. Он боролся несколько раз, но не мог пошевелиться.

— Там снизу, все сгнило, — презрительно сказал кто-то, увидев тело Грешника.

— А Чоу тоже совсем плох, — ответил кто-то сбоку, — Если вы двое недостаточно хороши, то не смотрите друг на друга свысока.

Все засмеялись. А Чоу всего лишь нищий, но этот Грешник даже не мог считаться человеком. Когда люди сталкивались с подобными людьми, им начинало казаться, что они превосходят подобных им. Они не принадлежали к одному и тому же виду, так что нет необходимости слишком заботиться о них.

— Хватит прикидываться мертвым! — охранники пнули Грешника несколько раз, и фактически послали того пинком к А Чоу.

Кровь хлынула изо рта падшего Раба, но он все также молчал, оставаясь на земле под стопами двух охранников, оставаясь недвижимым будто порченный мешок.

На заснеженной земле остались пятна крови. Некоторые люди смеялись, некоторые ругались, а некоторые были мягкосердечны. В конце концов, те больше не могли смотреть, поэтому развернулись и ушли.

— Посмотри на себя! — хозяин заставил двух охранников остановиться и сказал падшему Грешному Рабу:

— Ты мертв, и даже призрак не захочет быть твоим соседом! Если ты не можешь очиститься после тысячи порезов, ты все еще можешь считаться человеком?

— Этот раб человек? — сказал кто-то громко, — Почему я не вижу этого?

Несколько плевков слюны выплюнули на тело Грешника, но он так и не ответил.

— Посадите его в собачью клетку, — сказал хозяин охраннику. — Теперь только мои собаки готовы прикоснуться к нему.

Грешный Раб безучастно позволил охраннику дернуть себя за волосы в сторону Резиденции Радости. Его лицо было обращено к нищему по имени А Чоу. В его глазах мелькнула мольба, но вскоре он снова оцепенел. По какой-то причине охранник смог протащить его всего несколько шагов, а затем отпустил его волосы и остановился.

— А Чоу, тебе нужен этот падший Раб?

Когда падший Раб услышал это, он слегка повернул голову и увидел пару ног в соломенных сандалиях, с обнаженными пальцами, обнаженными пятками и обморожениями, с которых сочилась желтая вода.

— Если он тебе нужен, я дам тебе развлечься с ним несколько дней, — сказал владелец. А Чоу кивнул ему. Он не потащил грешника, а взял его на руки.

— А Чоу, — обратился к А Чоу один из хулиганов, слонявшихся по улице, — Этот человек еще хуже собаки, ты действительно не боишься испачкаться!

А Чоу опустил голову, ему было немного трудно нести на Грешника на руках, его ноги тоже не были слишком проворными, когда он передвигался по снегу. Падший Раб почувствовал запах трав на теле А Чоу. Он весь покрылся гноем, а лицо его было таким гнилым, что нельзя было разглядеть его первоначального вида, и видимо этот запах трав скрывал неприятный запах гноя. Запах на его теле не был неприятным, по крайней мере, он был более терпимым, чем вонь от падшего Раба.

— Принеси мне его через несколько дней, — прокричал сзади хозяин борделя.

Окружающая толпа снова разразилась хохотом.

С трудом А Чоу пронес Грешника по длинной Цветочной Улице, пока не достиг глубокого переулка, который вел в глухую улочку. Назвать его глубоким переулком было бы неверно. Это был путь между двумя соседними музыкальными студиями. Ни один из них не мог идти рядом. Дом А Чоу в верхней столице находился в конце этого глубокого переулка. Разрушенный дом, который незнамо кто оставил после себя, оказался уже полуразрушенным, а другая половина соломенной крыши поддерживалась земляными стенами.

Грешного Раба усадили на кучу соломы. Он был одет только в простую одежду, и в комнате сквозило. Однако все его тело уже онемело от холода, и он тупо уставился на А Чоу, стоявшего перед ним.

А Чоу тоже посмотрел на Падшего Раба. Его горло уже начало гноиться от яда, поэтому он не мог ничего сказать. Он только показал руками на Грешника, сидящего перед ним.

Падший не мог понять жеста А Чоу, но он уже смирился со своей судьбой и сразу начал снимать одежду, висевшую на его теле.

А Чоу поспешно замахал рукой на Грешника и поднял одежду, которую тот успел снять с половины своего тела.

Оставшийся глаз Грешника остекленел, когда он посмотрел на А Чоу. А Чоу повернулся и вышел. Через некоторое время он вернулся с сухими ветками и развел костер.

Грешный Раб сидел рядом с огнем, его тело ощущало какое-то тепло. Однако знакомая боль быстро распространилась по всему телу. Казалось, что к его костям были прикреплены личинки, проникшие глубоко во внутренние органы.

Увидев Грешника, свернувшегося калачиком на соломе, А Чоу жестом указал на грешника и снова вышел.

Падший сжался в комок. То, что он мог так лежать, уже являлось лучшей жизнью, которую он мог прожить. Если бы только он мог так дожить до того дня, когда умрет, он не проживет долго(?). Он просто не знал, было ли это похоже на сказанное в этот раз хозяином, ни один призрак не хотел оказаться его соседом, тогда сможет ли он найти место без каких-либо призраков?

Когда А Чоу вернулся с двумя дымящимися булочками, фонари на Цветочной Улице уже зажглись. Музыкальные магазины по обе стороны улицы уже были заполнены звуками пения и танцев. Огонь от сухих ветвей потух, и тело Грешника свернулось, как зародыш в утробе матери. А Чоу положил совок на землю и вышел, чтобы принести последние сухие ветки из дома. Только когда в разбитом доме разожгли огонь, он почувствовал, что немного согрелся.

А Чоу разбудил Падшего, и когда тот открыл глаза, то увидел жареные клубни, предложенные ему А Чоу. Он недоверчиво посмотрел на А Чоу. Это что, для того, чтобы он поел?

А Чоу сунул совок в руки раба. На полке над огнем вместо кастрюли висела банка, а внутри тушились сломанные кости цыплят и уток, подобранные А Чоу. Он помешал горшок веткой, но из кувшина все еще доносился мясной аромат.

Грешник открыл рот, чтобы укусить клубень, но не смог этого сделать.

А Чоу вскипятил суп и вылил немного на крышку банки. Он взял клубень Грешника и макал его в суп, пока тот не стал мягким, а затем накормил им Грешника. Глубоко за полночь ветки окончательно прогорели. Вдвоем они пробурили себе путь в кучу заплесневелой соломы,

которая уже была достаточно старой, чтобы пахнуть плесенью. Неосознанно холод заставил их обняться чтоб согреть тела друг друга.

Таким образом Падший Раб остался в доме А Чоу. Ни один из них не говорил, но у них имелось молчаливое понимание друг с другом. А Чоу отправился на поиски еды. Поскольку грешник не мог ходить, он выполз из разбитого дома, чтобы подобрать что-то, что можно было бы использовать для разжигания костра. А Чоу знал, что грешник боится холода. Он нагревал кирпичи в огне и заворачивал их в тряпки, чтобы Грешник мог держать их, чтобы согреться. Грешник также давал лекарство А Чоу, и травы, которые тот приносил с собой, могли замедлить скорость гноения его тела. Грешный Раб не нашел это лекарство полезным, но после того, как увидел, как А Чоу его применяет, гнилая желтая вода, которая всегда сочилась из него, останавливалась на некоторое время, поэтому вопрос о применении лекарства для А Чоу каждый день принимался им во внимание.

Грешный Раб и А Чоу продолжали в том же духе в течение десяти дней. Они боялись, что хозяин Резиденции Радости придет, но тот так и не явился. Но полуразрушенный дом, в котором они жили, рухнул после очередной снежной бури.

Кстати название борделе постоянно варьируется в переводе, и Резиденция Радости первое из названий поэтому я его и оставила. Там было и Дворик Счастья и Радостный Домик.

<http://bllate.org/book/15662/1401067>